

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 160–173.

УДК 81'37(81'374.3)

А. В. Петров

АФФИКСАЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ С ВКЛЮЧЕНИЕМ (на материале имен существительных с суффиксом -к-а)

Явление, в котором находит воплощение языковая тенденция к экономии средств выражения, известно в лингвистической литературе под различными терминами, например: “синтетическое сжатие”, “стяжение”, “семантическая конденсация”, “включение”, “универбация” [1].

Вопрос о семантической конденсации сочетания был поставлен А. В. Исаченко: суть конденсации в диалектическом противоречии между двучленностью наименования и единством его значения. Исследователь предлагает классификацию способов превращения двучленных наименований в одночленные [2]. Развивая эту мысль, А. В. Исаченко опирается на учение Я. Розвадовского об исконной двучленности всякого наименования.

Л. В. Сахарный называет словом-универбом любое производное слово, которое представляет собой результат структурного преобразования одной формы наименования, например, словосочетания, в другую, более компактную [3]. Суффиксальные универбы рассматриваются в работах И. М. Поляковой [4], М. Ф. Тузовой [5], В. А. Кудрявцевой [6], В. Н. Виноградовой [7], Л. А. Барановой [8] и др. лингвистов. Различные точки зрения на универбацию подробно анализируются в пособии к спецкурсу Л. И. Осиповой [9]. Явление семантической конденсации разрабатывается в области фразеологии (см. работы Н. М. Шанского, Р. Н. Попова, Л. И. Ройзензона, В. М. Мокиенко и др.), а также в сфере ономастики (см. публикации В. В. Громовой, Б. А. Серебренникова и др.). С общетеоретических позиций семантическая конденсация исследуется в трудах В. М. Никитевича, Е. С. Кубряковой, И. А. Устименко, Л. А. Кудрявцевой, А. А. Тараненко, Т. А. Тулиной, Е. А. Земской, Н. А. Янко-Триницкой и др. Специальный раздел, посвященный семантической конденсации, выделен в коллективных монографиях “Русская разговорная речь” [10; 11].

Так, Е. А. Земская считает универбацию наряду с усечением, субстантивацией и аббревиацией способом компрессивного словообразования. С помощью компрессивного словообразования “образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой [12]. При компрессивном словообразовании “суть акта деривации в переводе словосочетания в слово... роль суффикса здесь — оформить слово (перевести основу прилагательного в субстантив) и маркировать основу как производную. Словообразовательное значение можно формулировать как значение предметности” [12, с. 35]. Иную точку зрения пред-

ставляет И. П. Глотова: “Видимо, суффикс $-к(a)$ не имеет регулярного значения, если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования” [13, с. 9].

Термин “включение” был введен в лингвистический оборот Н. А. Янко-Триницкой. Н. А. Янко-Триницкая среди активных семантических процессов, сближающих лексику и словообразование, выделила включение “как расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения. Устанавливается включение путем сопоставления значения слова с синонимическим словосочетанием, в которое кроме данного слова (или его основы) входит еще и другое слово. Включаемым может быть как значение определяющего слова словосочетания, так и значение определяемого слова” [14, с. 18].

Таким образом, недифференцированным оказывается объект включения — определяющее (*узкоколейная дорога — узкоколейка, военная служба — военка*) и определяемое (*сахарный песок — песок, медицинская сестра — сестра*). Поэтому нам представляется оправданным использование термина “аффиксальный дериват с включением”, который был предложен А. М. Хамидуллиной и Л. А. Самохиной [15].

Как уже было отмечено, в лингвистической литературе термины “включение”, “семантическая конденсация”, “сжатие”, “стяжение”, “семантическая компрессия”, “синтетическое сжатие”, “универбация” употребляются как синонимы. “Однако за ними стоят явления разного порядка, которые необходимо дифференцировать, поскольку семантическая конденсация, семантическая компрессия — явления плана содержания и имеют отношение к формированию содержательной стороны лексической единицы, а стяжение, сжатие, сведение — явления плана выражения и имеют отношение к формированию материальной оболочки новой лексической единицы. Универбация — это практически любой акт возникновения нового слова на базе синтаксически объективированного идеального содержания безотносительно к способу доработки идеального содержания и пути конструирования материальной оболочки нового слова” [16, с. 20 — 21].

Цель статьи — изучить следующие вопросы, наименее исследованные в области семантической конденсации: а) образование дериватов на базе многословных наименований, б) обратить внимание на нетипичные модели конденсатов, в) описать производные с включенным предикатным актантом. Для изучения поставленных проблем были использованы толковые словари, справочные издания “Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77 — 85”, авторские словари Л. И. Осиповой [17] и В. П. Коровушкина [18], а также собственная картотека.

В качестве объекта исследования были взяты конденсаты с суффиксом $-к(a)$ типа *запретка, Филатовка, чугунка*, которые функционируют преимущественно в разговорной речи.

Наиболее продуктивным является присоединение суффикса $-к(a)$ к основе прилагательного — согласованного определения. “Именно на определении в

таких неоднословных наименованиях лежит функция выделения предмета — определение его вида, тогда как родовое, более широкое, понятие заключено в существительном, которое поэтому несет меньше информации и может быть отброшено” [7, с. 36].

Единичны случаи, когда в качестве базовой выступает основа причастия, например: *копящая лампа* — *коптилка*, *обогреваемое помещение* — *обогревалка*. В то же время, по наблюдениям В. В. Лопатина, в современной разговорной речи встречаются универбаты преимущественно с суффиксом *-к(а)*, возникшие на базе несогласованного определения-существительного. Отмечены следующие модели: “имя существительное (отглагольное имя существительное) + имя существительное в родительном падеже”, “имя существительное + имя существительное с предлогом *для/без/из*”, например: *настойка валерианы* — *валерьянка*, *азбука Морзе* — *морзянка*, *столовая самообслуживания* — *самообслужка*, *отделение информации* — *информашка*; *станок для фугования* — *фуговка*, *сумка для косметики* — *косметичка*, *комната для массажа* — *массажка*, *продукты для отоваривания* — *отоварка*, *помещение для вахтера* — *вахтерка*, *помещение для конюхов* — *конюховка*, *камера для осужденных* — *осужденка*, *бокал для шампанского* — *шампанка*; *куртка без рукавов* — *безрукавка*, *фуражка без козырька* — *безкозырька*, *повозка для перевозки продуктов без тары* — *бестарка*; *юбка, сшитая из шести клиньев* — *шестиклинка*, *постройка из самана* — *саманка*; *обналичивание денег* — *обналичка*.

Частотны образования, обозначающие названия библиотек и учебных заведений. Такие наименования возникли на базе почетного имени собственного: *публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина* — *Салтыковка*, *институт им. Н. И. Пирогова* — *Пироговка*, *государственная морская академия им. С. О. Макарова* — *Макаровка*. В качестве своеобразного посредствующего звена в словообразовательном акте могут выступать сочетания с согласованным определением. Ср.: *библиотека им. И. С. Тургенева* — *Тургеневская библиотека* — *Тургеневка*, *институт сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева* — *Бакулевский институт* — *Бакулевка*, *Московский государственный технический университет им. Баумана* — *Бауманский институт* — *Бауманка*, *художественная академия И. С. Глазунова* — *Глазуновская академия* — *Глазуновка*, *институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова* — *Плехановский институт* — *Плехановка*. Исключение составляют производные *технологичка* и *технологжка*, образованные не на базе имени собственного: *Ленинградский технологический институт им. М. В. Ломоносова* — *Технологический институт* — *технологичка*, *технологжка* (в разг. проф. речи).

Производные могут быть образованы на базе существительных адъективного склонения: *академия им. Н. Е. Жуковского* — *Жуковка*, *институт имени Склифасовского* — *Склифасовка*, *библиотека им. К. Д. Ушинского* — *Ушинка*, *библиотека им. А. М. Горького* — *Горьковка*, *публичная библиотека имени Л. Н. Толстого* — *Толстовка*, *проспект имени Вернадского* — *Вернадка*, *площадь Маяковского* — *Маяковка*. “Легкость образования подобных существительных объясняется тем, что существительные адъективного склонения нередко игра-

ют в словообразовании ту же роль, что и прилагательные, выступая как мотивирующие в отдельных образованиях, принадлежащих к отадъективным словообразовательным типам” [1].

На эквивалентность ряда производных слов словосочетаниям указывается в “Русской грамматике” (Т. 1, с. 140; с. 171 — 172); процесс универбации, понимаемый как словообразовательное преобразование двусловных наименований в однословные (*подземная дорога — подземка*), описывается в “Русской грамматике”, изданной в Праге в 1979 году. В исследованиях по дериватологии обычно констатируется возможность производных мотивироваться не только двухкомпонентными словосочетаниями: “Образования на -к-а сохраняют обычно принадлежность разговорной речи, сосуществуя с дву- (и много-) словными наименованиями” [7, с. 36].

Наблюдения над функционированием аффиксальных дериватов с включением, мотивированных сложными словосочетаниями, свидетельствуют о том, что в качестве производящей базы выступает преимущественно *основа имени прилагательного*:

а) модель образования: *имя прилагательное + (имя прилагательное + имя существительное)*:

*непрерывная рабочая неделя — непрерывка, портативная пищащая машинка — портативка, альтернативная гражданская служба — альтернативка, крупозное воспаление легких — крупозка, одиннадцатиметровый штрафной удар — одиннадцатиметровка, многодневная велосипедная гонка — многодневка, однопутная железная дорога — однопутка, однокорейная железная дорога — однокорейка, ширококорейная железная дорога — ширококорейка, чугунная железная дорога — чугунка, подкорковые нервные центры — подкорка, неотложная медицинская помощь — неотложка, вегетативная нервная система — вегетативка, наскобленная замороженная рыба (мясо) — скобленка и др. Ср.: “Однокорейка вдоль Волхова тянулась и дальше, до станции Волховстрой, где скрещивалась с железной дорогой, соединявшей Ленинград с Вологдой” (Чуковский, Балтийское небо), “ — С мамой плохо, сердце! Вызовите, пожалуйста, неотложку!” (Солоухин, Мать-мачеха), “ — Бланки — пожалуйста, а вот портативку забыл дома, — заискивающе заговорил Комнатный, хотя машинка стояла на ломберном столе, плохо прикрытая газетой” (Кукушкин, Хозяин). В выделенной модели в качестве производящей базы выступает стержневое имя прилагательное; закономерность не проявляется при конденсации сложных словосочетаний “консервированное тушеное мясо” (*тушенка*) и “керосиновая семилнейная лампа” (*семилнейка*), хотя *керосиновый* нагревательный прибор — *керосинка*;*

б) модель образования: *имя существительное + (имя прилагательное + имя существительное)*:

машина технического обслуживания — техничка, фабрика парусиновых тканей — парусинка, магазин потребительского общества — потребилка и потребиловка, камера предварительного заключения — предварилка, ружье центрального боя — централка, колония строгого режима — режимка, станция гарантийного

ремонта — *гарантийка*, общежитие *гостиного* типа — *гостинка*, группа *продленного* дня — *продленка*, лошадь *сивой* масти — *сивка* и др. Ср.: “Два охотника шуршат ногами. Оба мокрые от пота, у каждого в сумках за плечами теплая одежда и провизия, а в руках, наготове, по *централке*” (Новиков-Прибой, Среди топи), “Промурыжат теперь в *предварилке*, — размышлял он” (Линевский, Беломорье), “Ты утром считал хомуты в *потребилке*, я в старом нардоме готовил стенгазету” (Сурков, Письмо. 1931);

в) *модель образования: имя прилагательное + (имя существительное + имя существительное)*:

повременная оплата труда — *повременка*, *высшая* мера наказания — *вышка*, *походная* машина техпомощи — *походка*, *воздушная* линия проводов — *воздушка*, *высоковольтная* линия электропередачи — *высоковольтка*, *ленинградская* программа телевидения — *ленинградка* и др. Ср.: “В волжский пейзаж всюду вписаны сегодня мачты *высоковольтки*” (Кублицкий, Там, где течет Волга), “От страха, что ненависть эта может привести к новому преступлению, а значит, к “*вышке*”, вероятно, и потянуло к Богу” (Шамякин, Возьму твою боль);

г) *другие, менее частотные, модели*: пишущая машинка с *латинским* шрифтом — *латинка*, *межпрограммное* пространство на телевидении — *межпрограммка*, *локальная* очистка сточных вод — *локалка*, закрытая тюрьма для политических заключенных — *политзакрытка* и др. Ср.: “В 20-е годы в политизоляторах (еще *политзакрытками* называют их арестанты) кормили очень прилично... Резко ухудшилось питание в 1931 — 33 годах, но не лучше тогда было и на воле” (Солженицын, Архипелаг Гулаг).

Зафиксирован единичный случай с базовой основой наречием: *безоглядно* влюбленная женщина — *безоглядка*: “Блинков стал намного осторожнее, немедленно и безоговорочно расставался с теми, кто норовил затянуть узелок потуже и искал только родственные натуры, заглядывающие в будущее не дальше, чем на месяц вперед. Таких “*безоглядок*”, как он их называл, у него было несколько, они вполне довольствовались быстротечным романом...” (Санин, Точка возврата).

Таким образом, “уровень конденсации” в лексических единицах, мотивированных сложными словосочетаниями, выше, поскольку невыраженными являются два слова и более.

Средним членом между неоднословным наименованием и универбом может быть сложносокращенное существительное [7]: электрический поезд — *электропоезд* — *электричка*, врубовая машина — *врубмашина* — врубовка, диетическая столовая — *диетстоловая* — *диетка*, запретная зона — *запретзона* — *запретка*, изоляционная лента — *изолента* — *изолировка*, капитальный ремонт — *капремонт* — *капиталка*, машинописное бюро — *машибюро* — *машинка*, академический отпуск — *академотпуск* — *академка*, оперативное собрание — *оперсобрание* — *оперативка*, пограничная застава — *погранзастава* — *погранка*, художественная школа — *худшкола* — *художка*, музыкальная школа — *музшкола* — *музыкалка*, ремонтная мастерская — *реммастерская* — *ремонтка*, родильный дом — *роддом* — *родилка*, пищевая промышленность — *пищепром* — *пи-*

щёвка, психиатрическая больница — *психбольница* — психушка, диетическая столовая — *диетстоловая* — диета и др.

Эта закономерность не проявляется в дериватах, мотивированных сложными словосочетаниями. Зафиксирован только один случай: *специальная производственная одежда* — *спецодежда*, *прозодежда* — *спецовка*. Ср.: “Приходя на работу, шахтер снимает свой повседневный костюм, убирает его в специальный шкафчик, одевается в *прозодежду* и едет в шахту” (Полторацкий, В Донбассе), “Тавров... не сразу узнал Ольгу, облаченную в просторную брезентовую *спецовку* и шляпу-шахтерку” (Коптяева, Иван Иванович). Однако здесь наблюдается разновидность словообразовательной синонимии, когда в результате конденсации различных звеньев сложного словосочетания образуются разнокорневые производные: конная железная дорога — *конка* и *конножелезка*, зажигательная бутылка с горючей смесью — *зажигалка* и *горючка* (“зажигательная смесь в бутылках”), пересыльная транзитная тюрьма — *пересылка* и *транзитка*, матросская форменная рубаша — *матроска* и *форменка*, стеганая ватная куртка — *стеганка* и *ватник*, казенная винная лавка — *казенка* и *винополка*, лавка государственной винной монополии — *монополька* и *винополка*, походная ремонтная мастерская на автомашине — *походка* и *автопоходка*, воздушная канатная дорога — *воздушка* и *канатка* и др. Ср.: “— Торговая точка в нашем селе пережила все переходные названия — *винополка*, *потребилровка*, *казенка*” (Астафьев, Где-то гремит война), “Мальчик... целыми днями вертелся у *казенки*, или *монопольки*, как называли тогда лавку государственной винной монополии” (Финн, Зотов и его семья); “— Ведь недавно мы с тобой на *конке* ездили. А теперь уже привыкли к трамваю” (Федин, Первые радости), “От радости, что ее (Каштанку) взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на вагоны *конножелезки*, забегала во дворы и гонялась за собаками” (Чехов, Каштанка); “Ровно через месяц он опять был арестован и препровожден под стражей в псковскую *пересылку*” (Шишков, Емельян Пугачев), “О тифе на Владивостокской *транзитке* мы уже понимали” (Солженицын, Архипелаг Гулаг).

Средним членом между неоднословным наименованием и конденсатом на -ка может быть субстантивированное прилагательное [7]: *караульное помещение* — *караульная* — *караулка*, *минеральная вода* — *минеральная* — *минералка*, *курсовая работа* — *курсовая* — *курсовка* — *курсовик*, *пожарная часть* — *пожарная* — *пожарка*, *попутная машина* — *попутная* — *попутка*, *литейный цех* — *литейная* — *литейка* и др.

Обычно конденсат возникает на второй ступени свертывания синтаксического описания: *пассажир, едущий без билета*: первая ступень свертывания — *безбилетный пассажир* — вторая ступень — *безбилетник* [16]. Л. А. Кудрявцева на материале лексических новаций 70-х годов доказала, “что некоторая часть метонимических преобразований в русском языке является результатом синтаксических процессов, связанных с преобразованием определенной синтагмы, ее конденсацией” [19, с. 129].

Анализ новообразований показал, что на первой ступени конденсации может быть образовано адъективное словосочетание метонимического характера, при-

чем метонимия носит здесь межсловный характер (о межсловных переносах по смежности см. [20; 21; 22]). В отдельных случаях аналогичная модель метонимии реализуется на внутрисловном уровне. Ср.: *Барезж* (Франция) — *барезж* (“прозрачная ткань сетчатого рисунка, также из крученой пряжи”), *Манчестер* (Англия) — *манчестер* (“род хлопчатобумажного бархата”), но *Флоренция* (Италия) — *флоранс* (“легкая шелковая ткань для подкладки”); *Л. Наган* (бельгийский конструктор) — *наган* (револьвер с вращающимся барабаном), но *В. А. Дегтярев* (русский конструктор) — *дегтяревка* “противотанковое ружье”; *Тантал* (лидийский царь, который, согласно древнегреческой мифологии, был осужден Зевсом на вечные муки голода и жажды, несмотря на близость земных плодов и воды) — *тантал* (химический элемент), *Уран* (название планеты) — *уран* (радиоактивный химический элемент), но *Плутон* (планета Солнечной системы) — *плутоний*, *Паллада* (одна из четырех самых крупных малых планет) — *палладий* и др.

В некоторых случаях наблюдается метонимия на внутрисловном и межсловном уровне. Ср.: *Фес* (город в Марокко) — *фес* и *феска* (“головной убор в форме усеченного конуса, обычно красного цвета”).

В качестве “узлового” компонента в деривационном процессе может выступать известное в ту или иную эпоху имя собственное лица или топоним, а также то актуальное, что связывается с этим именем. Ср.: квартира в доме, построенном в период правления И. В. Сталина — сталинская квартира — *сталинка*; аналогично квартира в доме, построенном в период правления Н. С. Хрущева — хрущевская квартира — *хрущевка*; дешевый сорт водки, выпущенный вскоре после прихода к власти Ю. В. Андропова — андроповская водка — *андроповка*; водка, настоянная на смородиновых почках по рецепту Кончаловских — кончаловская водка — *кончаловка*; целинная форма бойца студенческого стройотряда — *целинка* и др.

Имя существительное в подобных словосочетаниях выступает в качестве предикатного актанта, а само словосочетание представляет собой конструкцию с предикатными актантами. Конструкции с предикатными актантами — это “конструкции, в которых как минимум один семантический актант вершинного глагола (или любого другого вершинного слова) имеет предикатное значение” [23]. Предикатные актанты представляют собой целую микроситуацию со своими актантами, встроенную в основную. Как отмечают исследователи, предикатные актанты относятся к числу компонентов, усложняющих семантическую структуру предложения [24]. Так, в простом распространенном предложении *Мать получала брежневскую пенсию* однословный предикатный актант имплицитно содержит смысл целой ситуации: “это пятирублевая надбавка к пенсии солдаткам в 70-е годы, когда генеральным секретарем был Л. И. Брежнев”. Словосочетание *брежневская пенсия* с предикатным актантом конденсируется в лексическую единицу *брежневка*, зафиксированную в Словаре суффиксальных универбов, составленном Л. И. Осиповой. Ср.: “До предпоследнего повышения минимальных пенсий колхозникам моя мать, как жена погибшего мужа в Отечественную войну, получала 5 рублей сверх жалкого минимума. По-всякому называли солдатки эту злосчастную “льготную”(!) надбавку: и гробовой, и смер-

тной, и красноармейской, и фронтовой, и брежневкой, — но всегда с горькой иронией”.

В предложении *На склад привезли брынцаловскую/бальзаковскую водку и смирновский спиртной напиток* предикатные актанты имплицитно передают смысл следующих ситуаций: “*брынцаловская водка* — это водка, изготовленная на заводе “Феррейн”, принадлежащем предпринимателю Брынцалову”; “*бальзаковская водка* — это водка, настоянная на почках каштана, растущего в бывшем поместье Э. Ганской на Украине и названная по имени Бальзака”; “*смирновский спиртной напиток* — это напиток, изготовленный на заводе Б. П. Смирнова в Москве”. Конструкции с предикатными актантами конденсируются в производные слова *брынцаловка, бальзаковка, смирновка*.

Дериваты, которые содержат в своей семантической структуре предикатные актанты, мы назвали аффиксальными производными с включенными предикатными актантами. Такие производные-конденсаты характеризуются усложненной семантической структурой, отражают различные пропозиции.

Собранный фактический материал подтверждает наблюдение исследователей о том, что “ступень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства” [16, с. 22]. Так, авторы коллективной монографии “Русская разговорная речь” обращают внимание на следующее обстоятельство: “Семантическая конденсация создает в РР такие “”сильнодействующие” модели, что иногда слово-конденсат образуется уже без оглядки на какое-либо словосочетание — по аналогии. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР стоят нуль-сочетания (а, значит, они сами становятся лжеконденсатами)” [10, с. 410]. Действительно, часть производных на *-ка* образовалась без опоры на соответствующее словосочетание; дериваты являются “знаками” всей ситуации. Ср.: *поповка* “броненосец, названный по имени А. А. Попова, спроектировавшего его”; *бортовка* “грузовой автомобиль с кузовом, имеющим откидные бока (борта)”; *марлевка* “женская одежда, сшитая из хлопчатобумажной ткани, похожей на марлю”; *пролетарка* “печка из жести, употреблявшаяся в 1918 — 1921 гг.”; *железиевка* “строительные работы с использованием железа”; конденсат *уравниловка* (“уравнительный подход к чему-л.”) имеет в разговорной речи коннотативно окрашенные синонимы *выводиловка* (“выведение усредненной заработной платы; то же, что уравниловка”) и *распределиловка* (“несправедливое распределение чего-л.”), для которых базовой является глагольная основа; конденсат *испанка* “особая тяжелая форма гриппа, охватившая в 1918 — 1919 гг. многие страны мира и впервые описанная в Испании” появился в результате формального стяжения всей пропозиции, минуя стадию адъективного сочетания. Различные названия судам и баркасам даются по имени реки или тех мест, где их построили: *коломанка, клязьменка, тихвинка, маршинка, белозерка, ижемка, кубинка, бакинка, романоака, устюжанка* и др. [25, с. 87].

Среди суффиксальных производных выделяется группа так называемых “слов-квантификаторов”, которые служат обозначениями предметов, реже лиц, по количественной характеристике и являются синонимами развернутых офи-

циальных номинаций [9; 12]. “Семантику включенных компонентов в структуре универбов-квантификаторов можно восстановить, опираясь на мотивирующие словосочетания, которые могут состоять не из 2-х, как обычно, а из 3-х и более членов” [9, с. 28]. По мнению Е. А. Земской, слова-квантификаторы находятся на границе между номинативным и компрессивным словообразованием. Не менее распространены квантификаторы, содержащие только количественное указание. Для них характерна невыраженность в структуре слова того, что именно подвергается количественному измерению: *пятисотка* — “бомба весом в 500 кг”, *двадцатьпятка* — “денежная купюра достоинством в 25 рублей” и “газоперекачивающий агрегат мощностью в 25 мегаватт”, *двухсотсвечовка* — “электролампочка мощностью в 200 ватт”, *двухсотка* — “электрический агрегат мощностью в 200 тыс. квт” и др.

Аффиксальные производные с включенными предикатными актантами были систематизированы по следующим лексико-семантическим группам.

1. ЛСГ “название денежных единиц”

Модель А: “Наименование монет (денежных знаков) в зависимости от изображенного на ней известного лица, режсе — предмета”

“К концу ХУП века повсеместно вошло в обычай давать золотой монете название лица, изображенного на ней. Появились луидоры (от Луи — французский король Людовик” и d’or — “из золота, золотой”), наполеондоры, фридрихсдоры, георгдоры, карсдоры и др.” [25, с. 47]. Наряду с золотой монетой в денежном обращении могли быть и бумажные денежные знаки. Кредитные билеты сторублевого достоинства с изображением императрицы Екатерины II называли *екатеринками*, *екатериновками*, *катеринками* и даже — *катьками*; бумажные денежные знаки времен царствования Николая II назывались *николаевками*; известно также устаревшее название бумажных денег *керенки*, которые выпускались в 1917 году в период власти временного правительства, возглавляемого А. Ф. Керенским. Аналогично *есенинка* — юбилейная монета с изображением С. Есенина, *суворовка* — денежный знак с изображением А. В. Суворова. Денежные знаки с изображением моржа (печатали во время гражданской войны в Архангельске) окрестили — *моржовками*; *крылатками* называли “денежные ассигнации, выпускавшиеся в гражданскую войну правительством Северо-Западных областей России (по огромному с распростертыми крыльями двуглавному орлу на обороте)”.

Модель В: “топоним — наименование монет по месту их чеканки”

Серебряные монеты, изготовленные на монетном дворе Москвы в конце ХУ начале ХУI века, получили название — московские монеты — *московки*; по аналогии были названы монеты, которые чеканились с 1420 года в Новгороде, — *новгородками*.

Модель Г: “имя собственное лица — наименование денежных знаков по имени официальных лиц, имеющих отношение к их появлению”

Так, акции и билеты АО “МММ”, руководимого С. П. Мавроди (1993–94 гг.) — мавродиевские акции — *мавродиевки*; облигации нижегородского ре-

гионального займа (по имени руководителя области Б. Е. Немцова) — “немцовские” облигации — *немцовки*; деньги, напечатанные в период, когда премьер-министром был Е. М. Примаков — *примаковские* деньги — *примаковки*; денежные знаки, получившие это название при министре финансов В. С. Павлове в 1991 г. — *павловские* деньги — *павловки*; облигации нижегородского регионального займа (по имени экономиста Г. А. Явлинского) — *явлинки*; литовские денежные знаки с изображением животных, введенные в октябре 1992 г. и получившие название “*вагнорки*” по имени премьер-министра Вагнюрюса; аналогично *врангелевка* — денежный знак, выпускаемый В. Н. Врангелем; *ленинка* — “денежный знак, выпущенный при В. И. Ленине” (ленинская деньга) и др.

2. ЛСГ “название оружия”

Модель А: “*имя собственное лица — оружие, созданное им*”

Х. Бердан (американский изобретатель) — *берданка* “однозарядная винтовка, находившаяся на вооружении русской армии в 1870 — 1891 гг.”; В. А. Дегтярев (русский конструктор) — *дегтяревка* “противотанковое ружье”; *токаревка* — “самозарядная винтовка системы Токарева” и др. В то же время метонимия названной модели развилась на внутрисловном уровне. Ср.: Дж. Браунинг (американец) — *браунинг* “автоматический пистолет”; С. Кольт (американец) — *кольт* “стрелковое оружие особой системы”, братья Павел и Вильгельм Маузеры (немецкие конструкторы) — *маузер* “род автоматического пистолета”, Хойрем Максим (американский инженер) — *максим* “скорострельное автоматическое оружие — пулемет”.

Модель В: “*оружие — место его изготовления*”

Тулка — “разновидность охотничьих ружей, выпускаемых на Тульском заводе”; *ижевка* — “тип охотничьих ружей, выпускаемых производственным объединением “Ижмаш”, г. Ижевск”; *казанка* — “моторная лодка, изготовленная на Казанском заводе”; *итальянка* — “противотанковая мина итальянского производства”; *тозовка* (от аббревиатуры ТОЗ) — “снайперская винтовка производства Тульского оружейного завода”. Ср.: “Их ржавые “*тулки*” и убогие “*ижевки*” не знают промаха” (Нагибин, На тихом озере), “И листать обратно календарь, как сказал Твардовский, бывает столь же отрадно, как отрадно видеть с борта “*казанки*”, — этой алюминиевой ладьи XX века, — быстрое течение принесенных далью лесов и пашен” (Дробышев, Путешествие во времени).

3. ЛСГ “название тканей”

Модель: “*город, страна — ткани, изготавливаемые там*”

Шотландия — *шотландка* “клетчатая ткань с крупными клетками”; Китай — *китайка* “плотная ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая, потом хлопчатобумажная, производившаяся в России”; Борислав (город в Прикарпатье) — *бориславка* “новый вид байки”; Александрия (Египет) — *александрийка* “сорт бумажной ткани, крашенная пестрядь”; Лион (Франция) — *лионез* “хлопчатобумажная ткань из крученой пряжи”. Ср.: “Алексей вынимал из укладки праз-

дничное платье: синюю хорошего сукна сибирку, плисовые штаны, рубашку из *александрийки*” (Мельников-Печерский, В лесах), “В летнее время гиляк бывает одет в рубаху из синей *китайки*” (Чехов, Остров Сахалин).

Оппозиция реализуется и на внутрисловном уровне. Ср.: *Маренго* (деревня в Северной Италии) — *маренго* “ткань черного цвета с белыми нитями”, *Бостон* (город в США) — *бостон* “тонкое сукно”.

4. ЛСГ “название головных уборов”

Модель А: “топоним — головной убор, связанный с ним”

Фес (город в Марокко) — *феска* “головной убор в форме усеченного конуса, обычно красного цвета”; *Кубань* (река на Северном Кавказе) — *кубанка* “шапка с меховым околышем и плоским верхом”; *Финляндия* — *финка* (“круглая плоская шапка с меховым спускающимся околышем, который закрывает уши и шею”); *Тироль* (провинция в Австрии) — *тиролька* “шляпа с невысокой тульей и небольшими полями”; *афганка* — афганская шапка — шапка с козырьком, которую носили солдаты в Афганистане. Ср.: “Яркин посадил на макушку курчавую черную *кубанку* с кожаным верхом” (Мальцев, От всего сердца), “Павел Петрович надел тонкую батистовую рубашку, щегольскую утреннюю курточку и *феску*” (Тургенев, Отцы и дети).

Метонимия отмечена и на внутрисловном уровне: *Фес* (город в Марокко) — *фес* “то же, что феска”; *Панама* (республика в Центральной Америке) — *панам* “летняя шляпа с широкими полями, подобная тем, которые носят в Панаме”. Ср.: “Сидишь с удочкой, закрывши от солнца голову архаичной *панамой* с полями в пол-аршина шириною” (Куприн, В окно), “Спешит Мустафа, упрел, стружки в бороде, и красный *фес* на затылок съехал” (Житков, Элчан-кайя).

Модель В: “имя собственное лица — головной убор, связанный с ним”

В. И. Чапаев — *чапаевка* “особой формы папаха, которую он носил”; *С. М. Буденный* — *буденовки* “красноармейские шлемы” (появились во время гражданской войны в Первой Конной армии, которой командовал С. М. Буденный); *Ясир Арафат* (палестинский лидер) — *арафатка* “головной платок, куфия, традиционный головной убор у арабов”. Ср.: “Из задних рядов долго пробирался к сцене невысокий, в сером зипуне казак. Выцветший шишак *буденовки* покачивался над папахами и треухами” (Шолохов, Поднятая целина).

Метонимия на уровне лексико-семантических вариантов: *С. Боливар* — *боливар* “черная атласная широкополая шляпа с расширяющейся кверху тульей”. Ср.: “Надев широкий *боливар*, Онегин едет на бульвар И там гуляет на просторе” (Пушкин, Евгений Онегин).

5. ЛСГ “название одежды”

Л. Н. Толстой — *толстовка* “широкая, длинная мужская блуза в складку с поясом, названная по имени писателя, носившего такую блузу”; *Э. Хемингуэй* (известный американский писатель) — *хемингуэйка* “мужская вязаная фуфайка, похожая на ту, что носил Э. Хемингуэй”; *Венгрия* — *венгерка* “куртка с высокой талией, шнурами по швам и поперечными шнурами для застегивания (такие куртки носили в Венгрии)”; *Сибирь* — *сибирка* “короткий кафтан в талию, со

сборами, без разреза сзади и со стоячим воротником (была распространена в Сибири)”; Канада — канадка “теплая, на овчине, канадская куртка с откидным меховым капюшоном”.

Т. А. Тулина исследовала синтаксические неологизмы, в которых привычная связность отсутствует; “их емкая компактная форма удобна для говорящего и приемлема для слушающего, хотя и заставляет его активизировать свое внимание и мыслительную деятельность, поскольку сопряжена с явлениями переноса, переадресации... определения” [26, с. 71]. По мнению ученого, появление новых значений у имен прилагательных связано с действием “более масштабной тенденции на сверхсловном уровне, допускающей разрыв непосредственной смысловой связи и соединение более далеких по смыслу слов, связанных лишь опосредованно” [26, с. 71]. Е. А. Земская выделила особую группу прилагательных: “Прилагательные, обозначающие отношение к предмету, конкретизация которого происходит в контексте более широком, чем сочетание с существительным. Сочетания с такими прилагательными не имеют трансформов, состоящих из конструкций “определяемое существительное + косвенный падеж производящего существительного”. Их значение понятно лишь в определенном контексте и ситуации, они могут рассматриваться как эллиптические преобразования многословных описательных оборотов” [27, с. 96 — 97].

В результате переадресации признака образуются конденсированные, емкие по смыслу словосочетания, например: команда, участвующая в олимпийских играх — олимпийская команда. Конденсированные словосочетания становятся базой для последующих деривационных процессов, в результате появляются слова-конденсаты: команда, участвующая в олимпийских играх — олимпийская команда — олимпийка; спортивная куртка члена олимпийской команды — олимпийская куртка — олимпийка; помещение для камеральной обработки материалов — камеральное помещение — камералка; название одного из сортов сельскохозяйственных культур, выведенных мичуринскими методами — мичуринский сорт — мичуринка; куртка по образцу формы венгерских гусар — венгерская куртка — венгерка; дорога с канатной тягой — канатная дорога — канатка; машина, предназначенная для устранения, предотвращения аварийных ситуаций — аварийная машина — аварийка, литературное (живописное) произведение, преследующее агитационные цели — агитационное произведение — агитка; Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы — иностранная библиотека — иностранка. Ср.: “Считающиеся легкими агитки требуют самого напряженного труда и различнейших ухищрений, возмещающих недостаток времени” (Маяковский, Как делать стихи); “Где корни этого кризиса, каков его механизм, отчетливо видно на примере ситуации, сложившейся во всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ). “Иностранка”, как ее называют, — библиотека специфическая” (ЛГ, 1989, 11. 01).

Таким образом, в кругу производных с суффиксом -к(а) необходимо различать лексические единицы с включением определяющего компонента мотиви-

рующего словосочетания и с включением предикатного актанта. Словосочетания с усложненной семантической структурой являются базой для именного словопроизводства.

Литература

1. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. — С. 72 — 80.
2. Исаченко А. В. Проблемы сравнительной лексикологии славянских языков // IУ Межд. съезд славистов: Материалы дискуссии. — М.: Наука, 1962. — Т. 2.
3. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. — Л.: ЛГУ, 1985. — 97 с.
4. Полякова И. М. Процессы включения в лексику и словообразовании (наблюдения над профессиональной разговорной речью металлургов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Специальность 10660 — русский язык. Куйбышевский государственный педагогический институт. — Куйбышев, 1972. — 26 с.
5. Тузова М. Ф. Суффиксальное образование существительных женского рода с предметным значением на базе составных наименований // Материалы УШ конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны: Лингвистический сборник. — Вып. 2. — Часть 1. — М., 1973. — С. 108 — 111.
6. Кудрявцева В. А. Суффиксальная универбация в современном русском языке (система субстантива): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Специальность 10. 02. 01 — русский язык. Казахский педагогический институт. — Алма-Ата, 1983. — 26 с.
7. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. — М.: Наука, 1984. — 184 с.
8. Баранова Л. А. Суффиксальная универбация: особенности функционирования в разговорной речи и в языке прессы // Журналистика в 1991 году. — Часть II. — М.: МГУ, 1992. — С. 52 — 55.
9. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение). — М.: Прометей, 1994. — 117 с.
10. Русская разговорная речь. — М.: Наука, 1973. — С. 403 — 427.
11. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. — С. 120 — 122.
12. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. — 221 с.
13. Глотова И. П. К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) // Вопросы стилистики. — Вып. 12. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. — С. 3 — 17.
14. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М.:

Наука, 1964. — С. 18 — 35.

15. Хамидуллина А. М., Самохина Л. А. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением // Исследования по семантике. — Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1982. — С. 22 — 31.

16. Устименко И. А. Ономаσιологический аспект семантической конденсации // Лексикология. Семасиология. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. — С. 19 — 25.

17. Осипова Л. И. Новые слова в русском языке (суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а). Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60 — 90-х годов. — М., 2000. — 230 с.

18. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 372 с.

19. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка. — Киев: Киевский ун-т, 1993. — 280 с.

20. Араева Л. А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне: Учеб. пособие. — Кемерово, 1990. — 78 с.

21. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах (основные семантические процессы). — Киев: Наукова думка, 1989. — 256 с.

22. Кубрякова Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М.: МГУ, 2001. — С. 190 — 191.

23. Храковский В. С. Предисловие // Типология конструкций с предикатными актантами. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. — С. 3 — 8.

24. Тулина Т. А., Харитоновна М. М. Семантика предикатных актантов и их синтаксическая организация в простом предложении // Филологические науки. — М. — 1983. — № 4. — С. 46 — 52.

25. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным. — М.: Просвещение, 1981. — 144 с.

26. Тулина Т. А. Особенности семантической структуры атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи // Русское языкознание. — Вып. 1. — Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1980. — С. 70 — 78.

27. Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. — М.: Наука, 1967. — С. 92 — 103.

Поступило в редакцию 02. 09. 2002